

ЦЕННОСТНАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ БОГАТСТВА В УЗБЕКСКОЙ, РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Мухторова Барно Алишеровна

доктор философии (PhD) по филологическим наукам

Э-почта: barnomukhtorova@gmail.com

<https://doi.org/10.5281/zenodo.22675318>

Qabul qilindi: 1-sentabr 2026-yil • Ma'qullandi: 8-sentabr 2026-yil • Nashr qilindi: 9-sentabr 2026-yil

Аннотация.

В тезисах рассматривается ценностная организация концепта «богатство» в узбекской, русской и английской лингвокультурах. На материале паремий и фразеологических единиц выявляются универсальные когнитивные модели и национально-культурные особенности осмысления материального и духовного благополучия.

Ключевые слова:

концепт, богатство, когнитивная метафора, лингвокультура, паремия, фразеологизм, ценность, национальная картина мира.

В когнитивной лингвистике концепт понимается как многослойное ментальное образование, объединяющее знания, образы, эмоциональные оценки и культурно значимые смыслы. В лингвокультурологическом аспекте особое значение имеет его ценностная составляющая, поскольку она показывает, каким образом носители языка соотносят явления действительности с нормами и идеалами общества. Концепт «богатство» в этом отношении не ограничивается деньгами, собственностью и материальным благосостоянием: в его структуру входят также представления о труде, здоровье, добром имени, дружбе, единстве, удовлетворённости и жизненном благополучии.

Теоретической основой исследования служит теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, согласно которой метафора является способом структурирования опыта. Сопоставление узбекского, русского и английского паремиологического и фразеологического материала показывает, что ряд моделей богатства имеет универсальную когнитивную основу, однако их языковое воплощение и ценностная интерпретация зависят от культурно-исторического опыта каждого сообщества.

Одной из общих моделей является «деньги – сила / активный агент». В английском *Money talks*, русском *Когда деньги говорят, всё молчит* и узбекских паремиях *Pul gapirar; Pul tilni biyron, dastni daroz qilar* деньги персонифицируются и приобретают способность воздействовать на людей и социальные отношения. Метафора фиксирует практическую силу материального ресурса: наличие денег расширяет возможности субъекта и усиливает его общественное влияние, не превращая при этом богатство в безусловную моральную ценность.

Вторая продуктивная модель – «деньги – воспроизводимый ресурс». Английское *Money begets money*, русское *Деньга на деньгу набегаёт* и узбекское *Pul pulni topar, yo'lyo'lni topar* отражают представление о способности капитала создавать новые возможности. Деньги уподобляются живому организму или семени, способному увеличиваться при

наличии исходного ресурса. Сходство таких единиц свидетельствует о наличии в трёх культурах общего практического знания о накоплении и воспроизводстве материальных благ.

Пространственно-субстанциональная модель проявляется в английском *to be rolling in money*, русском *купаться в деньгах*, *денег куры не клюют* и узбекском *itining tuvagi oltindan*. Во всех случаях богатство представлено как среда или масса, количество которой превышает обычную норму. Универсальная схема совпадает, тогда как национальная специфика выражается в выборе конкретного образа. Аналогично метафора «*время – деньги*» представлена единицами *Time is money*, *Время – деньги*, *Vaqt aqchadir*, *g'ofil bo'lma, qochadir*. В узбекском варианте экономическое значение времени дополняется дидактическим предупреждением о его быстротечности.

Ценностная периферия концепта особенно отчётливо раскрывается через противопоставление материального и духовного богатства. Так, здоровье осмысливается как более высокая ценность: *Health is better than wealth*, *Здоровье дороже богатства*, *Salomatlik — tuman boylik*. Репутация также получает статус особого капитала: *A good name is better than riches*, *Добрая слава лучше богатства*, *Yaxshi nom – boylikdan a'lo*. Экономическая лексика в этих случаях становится средством измерения нематериальных ценностей.

В узбекской лингвокультуре заметна связь богатства с удовлетворённостью, единством и нравственной мерой. Пословица *Qanoat – zo'r boylik* переносит понятие достатка из сферы количества имущества в сферу внутренней удовлетворённости, а формула *Boylik boylik emas, birlik boylik* подчёркивает приоритет коллективной сплочённости. В этом же ценностном ряду находятся здоровье, доброе имя и честный труд. Следовательно, материальная обеспеченность признаётся значимой, но её ценность регулируется принципами умеренности, социальной солидарности и нравственной легитимности приобретения.

Русский материал характеризуется выраженной амбивалентностью оценки денег. С одной стороны, они осмысляются как средство возможностей и общественного влияния; с другой – устанавливаются их моральные пределы. Пословицы *Не в деньгах счастье*, *Добрая слава лучше богатства*, *Не имей сто рублей, а имей сто друзей ставят дружбу, репутацию и счастье выше материального капитала. Фразеологизм бросать деньги на ветер* дополнительно осуждает нерациональное расходование, представляя деньги как легко утрачиваемую субстанцию.

В английской лингвокультуре более активно представлены экономическая рациональность, труд, время и индивидуальная инициатива. *Time is money*, *Money begets money* и *Money does not grow on trees* подчёркивают необходимость эффективного обращения с ресурсами и связь благосостояния с усилиями. Фразеологизм *to be born with a silver spoon in one's mouth* отражает унаследованную привилегию, тогда как *Money is a good servant but a bad master* вводит нравственное ограничение: деньги полезны как инструмент, но не должны становиться силой, управляющей человеком.

Сопоставительный анализ позволяет выделить универсальное когнитивное ядро концепта «богатство», включающее деньги, имущество, благосостояние и возможность действия. Общими являются модели силы, активного агента, воспроизводимого ресурса, пространства и экономической ценности времени. Национально-культурные различия проявляются прежде всего в аксиологическом профиле: в узбекских паремиях сильнее выражены удовлетворённость, единство, здоровье и доброе имя; в русском материале – дружба, репутация, моральная ответственность и двойственная оценка денег; в английском – время, труд, эффективность и личная инициатива.

Выявленные различия не следует трактовать как неизменные психологические свойства представителей трёх народов. Они отражают тенденции, закреплённые в исторически сформировавшемся паремиологическом и фразеологическом фонде. Поэтому концепт «богатство» целесообразно описывать через модель «универсальная когнитивная схема – национально-культурный ценностный профиль». Во всех трёх

лингвокультурах материальное богатство признаётся важным средством достижения жизненных целей, но не высшей ценностью: его смысл ограничивается и переосмысливается через здоровье, репутацию, дружбу, единство, труд, удовлетворённость и нравственную ответственность.

Adabiyotlar, References, Литературы:

1. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. – Chicago: University of Chicago Press, 1980.
2. Kövecses Z. *Metaphor in Culture: Universality and Variation*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Москва: Гнозис, 2004.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология. Москва: Академия, 2001.
5. Караматова К. М., Караматов Ҳ. С. *Proverbs – Maqolalar – Posloviцы*. – Тошкент: Меҳнат, 2000. – 400 с.
6. Speake J. *The Oxford Dictionary of Proverbs*. 6th ed. — Oxford: Oxford University Press, 2015.
7. Грачева Е. А. Анализ концепта «богатство» на материале русскоязычных и англоязычных пословиц и поговорок // *Язык и текст*. – 2017. – Т. 4. – № 3. – С. 129-138.
8. Мендешева М. М. Первопризнаки концептов «богатство» и *wealth* в русской и английской языковых картинах мира // *Вестник Кемеровского государственного университета*. – 2021. – Т. 23. – № 4. – С. 1060 – 1066.
9. Мухторова Б. А. Лингвокультурные метафоры концепта «богатство» в узбекской, русской и английской культурах // *Innovatsiya va taraqqiyot*. – 2026. – № 6-8.